

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
Zakład Kulturologii Wschodnioeuropejskiej
02-678 Warszawa
ul. Szturmowa 4

ЗДЕСЬ ЖИВЁТ ПРАЗДНИК... **(КНИГА О ФИНЛЯНДИИ ЛЮДМИЛЫ КОЛЬ)**

‘THERE’S A SPIRIT OF CELEBRATION...’: ‘A BOOK ABOUT FINLAND’ BY LYUDMILA KOL

Статья посвящена теме праздника в книге *Там, где звенят сосны*, принадлежащей русской писательнице Людмиле Коль, проживающей ныне в Финляндии. В целом книга, будучи автобиографическим текстом, отличается многомерностью и многоплановостью. Автор тонко, деликатно, но и не без иронии/самоиронии повествует «о стране, где живут финны», о самих финнах, о финской душе, о том, что «спрятано под маской современного стиля жизни». Годовая жизнь современных финнов (очень деловая и динамичная), согласно наблюдениям русской писательницы, структурирована различного рода праздниками. Религиозные, государственные, местные праздники занимают немало места на страницах книги. Здесь есть заметки о Вербном воскресенье, о Юханнусе, о Празднике урожая, о Дне независимости, о Рождестве, о Шведском дне, о масленице, дне поэта Рунеберга и др. Праздники, представленные в тексте, отражают как особенности сознания и мышления финнов, так и характер восприятия и отношение к ним русской писательницы.

Ключевые слова: Людмила Коль, Финляндия, праздник, национальное сознание.

The paper is dedicated to the theme of a holiday in the book ‘Where the Pine Trees Ring’ written by a Russian author Lyudmila Kol, nowadays a resident of Finland. In general, the book represents an autobiographical text that is notable for its many-sidedness and variety. The writer narrates in a delicate manner, but not without irony “about the country where the Finns live,” about the Finns themselves, the Finnish soul, about what is “hidden under the mask of a modern lifestyle.” The Russian author notices that the yearly life of modern Finns (very businesslike and dynamic) is organized according to various family celebrations. Religious, national, and local holidays occupy a considerable place in the book. There are comments about Palm Sunday, Juhannuspäivä, the Harvest Festival, the Independence Day, Christmas, the Sweden Day, about Pancake Week, Runeberg Day (birthday of the national poet) and others. The holidays presented in the text reflect the peculiar features of the Finns’ consciousness and their way of thinking, as well as the Russian author’s perception thereof and her attitude towards them.

Keywords: Lyudmila Kol, Finland, holiday, national consciousness.

Людмила Коль – современная русская писательница, проживающая в Финляндии. На мою просьбу дать биографическую справку о себе она написала следующее:

Я родилась в Москве, на Красной Пресне. Людмила Коль – псевдоним, который мне придумали мои ученики в Дании, сказав, что по-датски моя фамилия в переводе будет звучать как Коль. Настоящее имя: Людмила Холод. В 1969 году окончила филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности: русский язык и литература. Диплом защитила по синтаксису простого предложения. С 1969 по 1993 год преподавала на отделении РКИ (кафедра русского языка для иностранцев естественных факультетов МГУ). Участвовала в создании нескольких учебных пособий по развитию речи для иностранцев: текстов и тренировочных упражнений. Выезжала преподавать за рубеж, будучи беспартийной: в Индию (1977–1978), Данию (1985–1987), один месяц – в Болгарию. Жила во Франции в 1991 и 1993 гг. В конце 1993 поехала на один год в Финляндию, где мой муж-физик работал в известной Лаборатории низких температур Хельсинкского Технологического университета. Шла за визой в посольство Финляндии по замершей от ужаса Москве – в день, когда стреляли по Белому Дому, и думала: а вдруг откуда-нибудь стреленут сейчас и по мне? Не стрельнули. Через неделю уехала на поезде «Лев Толстой». С тех пор мы живем здесь¹.

Именно в Финляндии Людмила неожиданно для самой себя начала писать рассказы, опираясь прежде всего на воспоминания о жизни в России. Сейчас она – автор многих популярных романов и повестей², более десяти лет издает и редактирует историко-культурный и литературный журнал «LiteraruS-Литературное слово», который выходит на трех языках: русском, финском и шведском, является вдохновителем и организатором научно-практических конференций.

Особое место в творческом наследии Коль занимает книга о Финляндии *Там, где звенят сосны*³. Отличаясь в целом многомерностью и многоплановостью, документальная в своей основе, книга тонко, деликатно, но и не без иронии/самоиронии повествует «о стране, где живут финны», о самих финнах, о финской душе, о том, что «спрятано под маской современного стиля жизни» (с. 11). И оказывается, что под маской нынешней финской жизни (очень деловой и динамичной), так, как она воспринята и прочувствована русской писательницей, нередко кроется ощущение праздника. Да и сами праздники не только упоминаются, но и порой достаточно подробно описываются на страницах книги. Здесь есть заметки о Вербном воскресенье, о Юханнусе, о Празднике урожая,

¹ Письмо Л. Коль автору статьи от 05.02.2014.

² См.: *Игра в пинг-понг. Исповедь не-Героини*, Хельсинки, АО НОРД ПРИНТ 1999; *Аня, Киска, Неливанна, или История моего секса*, Хельсинки, Yliopistopaino 2002; *Когда она придет...*, Санкт-Петербург, Алетейя 2006; *Свидание с героем*, Санкт-Петербург, Алетейя 2007; *Роман с Заграницей*, Санкт-Петербург, Алетейя 2009; *У меня в кармане дождь*, Санкт-Петербург, Алетейя 2010; *Земля от пустыни Син*, Иерусалим, Млечный Путь 2012; *На углу острова*, Москва, Вест-Консалтинг 2013 и др.

³ Л. Коль, *Там, где звенят сосны*, Helsinki, LiteraruS, 2004. Далее сноски даются на это издание с указанием номера страницы в тексте в скобках.

о Дне независимости, о Рождестве, о Шведском дне, а также о масленице, дне поэта Рунеберга и др. Праздники, как впрочем и будни, представленные в тексте, отражают особенности сознания и мышления финнов, а также характер восприятия и отношение к ним русской писательницы.

Сама Финляндия, как выяснилось, издавна существовала в так называемой «родовой» памяти семьи Людмилы Коль. Недаром в сознании зрелой писательницы сохранилось далекое детское воспоминание, связанное с рассказом мамы о «самой прекрасной стране»:

Когда-то, давным-давно, когда я была еще совсем маленькая, я не раз слышала, как мама повторяла, что самая прекрасная страна, которую она знает, это Финляндия, а самый красивый язык – это финский, и старалась произнести несколько слов, которые запомнила на всю жизнь: юкси, какси, колме (один, два, три). Она показывала мне свои старые фотографии – на них была девочка лет трех в вязаной шапочке и каком-то необычном платье, с игрушками в руках – и говорила: «Вот это платье мне купили в Гельсингфорсе в 1916 году, дедушка там служил, а мы к нему в гости ездили» (74)⁴.

Тема Финляндии – «прекрасной страны», буквально пронизывает книгу:

Кто только не описывал красоту Финляндии, начиная с 1809 года и кончая сегодняшним днем! – восклицает автор. – Но разве можно даже отдаленно описать все? (71).

Что за чудодейственная земля – Финляндия?.. Сколько интересных, самобытных писателей, поэтов, художников, скульпторов, архитекторов, талантливых умельцев она рождает (136).

Л. Коль восхищается финской природой, отмечает красоту Хельсинки, описывает архитектурные памятники и любимые уголки столицы, зорко вглядывается в людские характеры. Особое место она отводит представителям финской литературы: писателю Мартти Ларни и его роману *Четвертый*

---

⁴ В письме к автору статьи от 08.02.2015 Л. Коль подтверждает: «Это всё – чистая правда! У меня до сих пор есть серебряные мужские карманные часы, которые мой дед купил в Гельсингфорсе в 1916 году, я их даже один раз приносила в университет и показывала во время своего выступления – единственное, что осталось от того времени. Дед служил медбратом в госпитале, и мама со своей мамой (моей бабушкой) ездили к нему в 1916 году, маме было 2,5 года, она на всю жизнь запомнила некоторые финские слова, потому что с детьми во дворе объяснялась по-фински. У нас в семье всегда вспоминали Гельсингфорс как какую-то совершенно фантастическую жизнь, вспоминали, сколько всего хорошего там купили из одежды и домашней утвари, сколько серебра и золота, а уж часов – целых 5, всё это ушло в свое время в торгсин. И фотография была очень интересная – мама на ней в финском платье с фартучком и в каком-то чепчике, а в ручках держит 2 деревянных игрушки. Маме очень нравился и эстонский язык, я не могла понять, почему. А сейчас я соображаю, что, видимо, у нее на всю жизнь осталось чувство финской мелодики. Так что все, что описано, так и было. Я, кстати, всегда пишу только то, что происходило в реальности. Давно хочу пойти в архив, может быть, есть какие-то списки служивших в госпиталах во время Первой мировой войны, может быть, можно найти где-нибудь в списке имя деда, но только собираюсь. Кстати, у меня от всех разговоров о Гельсингфорсе и Финляндии осталось ощущение причастности к стране».

позвонок, или Мошенник поневоле, Хелле Вуолийоки, Мике Валтари, «самому любимому своему произведению» – роману Вяйне Линны *Неизвестный солдат* (с. 76–77). На страницах книги неоднократно также появляются имена финских поэтов. Причем их значимость для национальной культуры подчеркивается тем, что дни рождения выдающихся поэтов стали национальными праздниками: 5 февраля – День Йохана Людвиг Рунеберга (1804–1877) и День финской культуры, 10 октября – День Алексиса Киви (1834–1872) и День финской литературы.

Йохана Людвиг Рунеберга – одного из последних европейских романтиков, финны считают своим «первым национальным поэтом» (хотя писал он на шведском языке). Согласно новейшему биографическому справочнику, «Уже при жизни [...] Рунеберг обрел статус культовой фигуры, [...] как человек, способствовавший формированию чувства национального самосознания и автор стихотворения *Наш край*, ставшего национальным гимном Финляндии»⁵. Кстати сказать, Рунеберг был хорошо известен в России. Друг Александра Пушкина Петр Плетнев назвал его «человеком прямо гениальным»⁶, император Николай I пожаловал Рунебергу титул профессора и пожизненное денежное пособие, а Александр II наградил орденом св. Анны 2-й степени и возвел в чин доктора богословия⁷. В 1876 финский поэт был избран почетным членом Российской академии наук, его произведения переводили А. Блок и В. Брюсов. Л. Коль, упомянув о празднике Рунеберга, упомянула также и о любимом лакомстве поэта – кексиках «рунебергах», напоминающих по вкусу ромовую бабу (с. 67). История этих кексиков превратилась в легенду: однажды к Рунебергу пришли гости, но их нечем было угостить, в доме было только старое печенье. Пока гостей развлекали стихами, госпожа Рунеберг быстро перемолола печенье, добавила в него сметану, варенье, миндаль, немного ликеру и преподнесла гостям. Десерт всем понравился и вскоре его рецепт распространился по всей стране. До настоящего времени в день рождения поэта – 5 февраля, в школах проходят уроки, посвященные «высокой» литературе, а вся Финляндия угощается «рунебергами». Любопытно замечено: национальные ценности и шуточные легенды сосуществуют и пересекаются в едином культурно-бытовом пространстве, взаимодополняя друг друга.

Под воздействием стихов другого поэта – Алексиса Киви (его считают одним из основоположников национальной литературы на финском языке),

⁵ Йохан Людвиг Рунеберг, [в:] *Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий* – 100 suomalaista pienoiselämäkerta venäjäksi, под ред. Тимо Вихавайнен (Timo Vihavainen), пер. с финск. И. М. Соломеща. Хельсинки, Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) 2004, с. 498.

⁶ Письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 12 мая 1848 г., [в:] *Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: I–III*, под ред. К. Я. Грота, Санкт-Петербург 1896, т. III, с. 247.

⁷ В. Лосев, *Романтик и верный сын Финляндии*, [Электронный ресурс:] <http://www.kauppatie.com/2014/02-2014/rus-11.shtml> [09.03.2015].

Л. Коль назвала свою книгу – *Там, где звенят сосны*. В стихотворении Страна Суоми поэт с огромной любовью и проникновенным лиризмом описал природу родного края:

Страна лесов, озёр и гор,
Красивейшая с давних пор...
В сиянье северных огней,
При ясном свете летних дней,
Зимой и летом див полна,
Что за чудесная страна?
Там в тысячи озёр всегда
Ночная светится звезда...
Там кантеле⁸ звенит струной
И сосны в золотом песке
Звенят вблизи и вдалеке:
Вот здесь Суоми, край родной!⁹

Отмечу, что Л. Коль очень высоко оценила и созданный Киви первый в финской литературе роман *Семеро братьев*, назвав его «красивейшим, глубоко национальным, исключительно поэтичным [...] без прочтения которого невозможно понять ни финский характер, ни отношения между мужчиной и женщиной, ни семейные отношения, ни дружеские связи и привязанности, ни социальные отношения» (с. 75). Под впечатлением от личных наблюдений и, конечно, под влиянием литературных образов у русской писательницы сложилось свое представление о Суоми как стране звенящих сосен и о финнах как людях, в чьих сердцах навсегда поселился лес, «и именно туда, в лес, по мысли Алексиса Киви [...] стремится финская душа» (с. 71).

Тему леса, мотив звенящих сосен писательница соотносит с душевно-духовной и эстетической сутью финнов как народа. «Солнце нагревает хвою и золотит стволы сосен. Природа на какое-то время замирает под его жаркими лучами. [...] Слышите, как звенят сосны?.. И я думаю, что, может быть, когда-нибудь тоже научусь слышать, как они звенят» (с. 136)¹⁰. Научиться слышать, как звенят финские сосны, это значит, в авторском словоупотреблении, попытаться заглянуть в душу народа. Сама же душа – явление, безусловно, очень сложное, неоднородное и неоднозначное. Как писал

⁸ Кантеле – финский народный струнный инструмент.

⁹ А. Киви, *Страна Суоми*, [Электронный ресурс] http://usst.mskobr.ru/files/6_vesna_v_finlyandii.pdf [09.03.2015].

¹⁰ Ср.: «Сосны, знаешь, издают особый звук. Это бывает в очень жаркую, сухую погоду, в яркий солнечный знойный день: солнце проникает сквозь деревья, нагревают хвою, стволы сосен словно золотятся от его лучей и начинают издавать особый звук. Каждый финн его слышит [...] Это очень-очень красиво [...] И тогда я подумала, что мне, иностранке, никогда не проникнуть в душу другого народа. Но вот заглянуть [...]», [в]: Л. Коль, *Роман с заграницей*, Санкт-Петербург, Алетейя 2009, с. 236.

в свое время русский философ Иван Ильин, «душа – это весь поток не-телесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений; приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых соображений и праздных фантазий и т.д.»¹¹. Весь этот поток и получает свое выражение в разных формах культуры – как бытовой, в повседневных буднях, так и в небытовой – в праздниках.

Согласно словарю Владимира Даля:

Праздновать, быть праздным, или не делать, не работать. [...] *Празднество* ср. празднице пск. твер. пиршество или торжество, празднованье чего-либо обрядами, пирами и пр. [...] *Празднственный*, ко празднеству относящ. *Праздничный день* или *праздник* м. вообще, день, посвященный отдыху, не деловой, не рабочий, противополог. будень; день, празднуемый, по уставу церкви, или же по случаю и в память события гражданского, государственного, или по местному обычаю, по случаю, относящемуся до местности, до лица. Праздники Господни, Господские, установленные в честь Господа. Праздник царский, рожденье, именины государя, память коронованья и пр. Праздник семейный, домашний¹².

В прозе Л. Коль встречаются описания разных праздников – религиозных, государственных, местных. Один из первых праздничных сюжетов, описанных в книге, – Вербное воскресенье – Вход Господень в Иерусалим. Этот праздник христианского календаря отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой и православными, и католиками, и протестантами. В Финляндии, как я поняла, сакральный праздник отмечают достаточно скромно, как обычный выходной. Но это то, что касается взрослых. Совершенно по-другому к нему относятся дети, которые очень любят Вербное воскресенье и тщательно к нему готовятся. Они заготавливают веточки вербы, привязывают к ним украшения, и в праздничный день обходят соседей, «вербуют» (колядуют) и [...] вымогают за это деньги или угощение. Конечно, в этой версии праздник не имеет никакого сакрального смысла, скорее его можно соотнести с мифологическими представлениями о колдунах и колдуньях, ведьмах и ведовстве. Вот как этот праздник увидела и описала Л. Коль:

Утром спозаранку звонок в дверь. [...] Открываю. Они, то есть дети, стоят, размалеванные, разрисованные, разукрашенные, разодетые, в платочках и с метлой. У малышей на лицах радость, ожидание и любопытство. [...] – Вербоваться будешь? Я тут же улыбаюсь, приветливо, радушно [...] уже неделю назад закупила десять разных пакетиков с шоколадными фигурками, яйцами и конфетами [...] полюбовалась ими и представила себе предстоящий спектакль), киваю головой в знак согласия. Меня тут же обмахивают вербой веточкой [...] украшенной разноцветными птичьими перышками, ленточками, бантиками, и читают один и тот же стишок, выученный с пеленок и не уходящий из памяти до самой могилы, мудрая суть которого заключается в том, что ничего бесплатно

¹¹ И. А. Ильин, *Религиозный смысл философии. Три речи 1914–1923*, Paris, Y.M.C.A.-PRESS [1924], с. 15.

¹² В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*: в IV т., Москва, Русский язык 1980, т. III, П, с. 380–381.

на свете не бывает, ибо стишок заканчивается словами: «Верба тебе, а денежки – мне!». В народной мудрости приходится тут же убедиться, так как тебе протягивается ветка и ненавязчиво вслед за ней – корзиночка, куда ты должна положить то самое, что загодя приготовила для этого случая (29–30).

Как видно из зарисовки, автор охотно вступает в игру, затеянную детьми, и взаимное удовольствие получают обе стороны. Но уже здесь писательница не без юмора обратила внимание на некую детскую расчетливость, желание получить определенную материальную выгоду. Кстати, сочетание игры и выгоды, свойственное поведению детей в данном эпизоде, у взрослых будет выражаться в соединении мечтательного романтизма и трезвого практицизма, что, как не раз будет отмечать Л. Коль, является характерной чертой финнов. Писательница, очень доброжелательно описывая явления и факты чужой культуры, неизбежно смотрит на них этноцентрически, сквозь призму своих культурных традиций и ценностей.

В данном контексте стоит обратить внимание на то, что в книге достаточно много внимания уделено, как уже отмечалось, теме леса (это и один из важнейших компонентов и в описаниях финской природы, и символ национальной души, и весьма значимый элемент материального благополучия). Почти каждый финн является владельцем леса: «Сколько у него леса, я думаю, не скажет никто. Но каждый хочет его иметь. И если скромно говорит кто-то: „Ну, что ты, у меня нет леса“, – это значит, что его просто недостаточно, чтобы сказать „У меня есть лес“» (с. 72). С одной стороны, как вытекает из наблюдений русской писательницы, лес – это «то заветное место, которое наполняет поэзией финскую душу», с другой – «лес – это и товар, и деньги, ибо вполне практичная лютеранская финская душа [...] спиливает его, как только он достаточно вырастает (насаживая тут же новый), обращает в деньги, а деньги опять в товар» (с. 71–72). Финнам присущи одновременно чувствительность и прагматизм.

Следующий праздничный сюжет в книге связан с самым большим финским летним праздником – Юханнусом (Иванов день, день Ивана Купалы). Считается, что именно с него начинается настоящее лето. Юханнус празднуют в первую субботу после 19 июня. По наблюдениям Людмилы Коль: «Жизнь года раскалывается на „до” и „после” Juhannus’a – дня, когда солнце безостановочно смотрит из-за горизонта хитро прищуренным глазом» (с. 45–46). Действительно, ночь на Ивана Купалу – одна из самых светлых, особенно в Лапландии, где солнце несколько дней подряд не опускается за горизонт. Друзья нашей героини относительно Юханнуса поясняют: «у нас это большой праздник, да. Но пьют, конечно, и гуляют всю ночь [...] И сауна, конечно, бывает, и песни поют до утра почти» (с. 46). Горожане предпочитают проводить Юханнус на природе, они разъезжаются по своим дачам, ловят рыбу, катаются на лодках, купаются, ходят в сауну, навещают родственников и соседей. Нашей героине не удалось понаблюдать, как проходит праздник в сельской местности, зато она увидела его городскую версию в хельсинском парке Сеурасаари:

[...] хор выступал сначала, и его пение разносилось далеко над водой; потом поехали на лодке зажигать костры, а после этого все радостные, словно обновленные, шли по дорожкам, держась за руки, гуляли до тех пор, пока ночь, чуть смежив веки, снова широко не распахнула их и не стало опять совсем светло [...] (47).

Зато в деревенской местности, в Средней Финляндии, писательница побывала на осеннем Празднике урожая. После длительного переезда через «зеленое однообразие леса» (с. 71) «в лесной чаще, где-то в глубине» начинало угадываться жилье: «мелькнет дом или амбар, или мельница» (с. 72), наконец, появилась и сама деревня: «я слышу звуки гармонии, вижу открытую площадку рядом с деревенским кафе, разноцветные машины в стороне и замечаю нарядно одетую толпу вокруг огороженного лентой скакуна» (с. 72–73). Здесь и проходит праздник. А его главным героем является конь-скакун. «Это наш призер, королева, *kuningatar* ..., – поясняют жители. – Самая быстрая в округе! Хозяин получил за нее пятьдесят тысяч евро на скачках! – И хитро прищуряясь и улыбаясь добавляют: А на финские марки это ведь намного больше!» (с. 73). Далее гостью приглашают «посмотреть на художественное изображение „*kuningatar*”», выгравированное на металлической пластине, которая прикреплена на камне и рядом с которой стоят в вазе цветы, а потом подводят к ней самой, чтобы «полюбовалась на гордость деревни» (с. 73). И в этой зарисовке практицизм и своего рода эстетизм соседствуют.

Ну а затем следует описание самого праздничного пиришества:

Четыре огромных бидона, из которых все время цедится в пластиковые стаканы желтоватого цвета, похожего на цвет пива, мутноватая жидкость, называемая *saxti* [брага, домашнее пиво – Л. Л.], уложат, я думаю, не одну деревню, даже если заедать рыбным супом, сваренным из муйкку (ряпушки), или грилеванными сосисками – даже крепкая горчица, густо положенная поверх сосиски, не поможет прочистить туман в голове (73).

Здесь отмечены традиционные финские напитки и еда и не менее традиционное пристрастие финнов к алкоголю. Безусловно, нелегко оценивать чужие национальные обычаи и нравы. И Людмила Коль нигде их не оценивает. Она лишь дает понять, что у народа, как и у отдельного человека, достоинства могут переходить в недостатки и наоборот.

6 декабря празднуется День Независимости. Как отмечает Л. Коль: «традиция родилась еще во времена Бобрикова – непопулярного и убитого впоследствии генерал-губернатора Финляндии – как протест против русификации» (с. 89). Особенностью этого праздника является «живое движение света», когда жители зажигают одновременно по две свечи в каждом окне: «ровно в 6 часов вечера вечерний Хельсинки вдруг в один миг озаряется: цепочкой бегут от одного окна к другому живые огоньки» (с. 89).

Если предыдущие сюжеты в большей или меньшей степени напоминают аналогичные празднества у других народов – русских, украинцев, поляков, то

следующий праздничный сюжет представлен в неожиданном ракурсе. Речь идет о Дне шведской культуры, который празднуется 6 ноября. Шведское население в Финляндии составляет всего около 6 процентов, однако шведский язык, наравне с финским, является в стране государственным. Праздник установлен в Финляндии как общегосударственный и с 1908 года отмечается повсеместно. Относительно этого праздника сведения, почерпнутые Л. Коль у своих учеников, оказались самыми необычными. Ситуация описана следующим образом:

– Почему флаги сегодня? – спрашиваю с ходу. – Праздник. – Какой? – Шведский день. Ах, да, есть такой день в календаре. – И что это значит? Как он празднуется? – Вопрос задаю в целях разговорной практики, а заодно и для себя – всегда узнаешь что-то, чего еще не постигла. Неопределенно пожимают плечами. – Ну, все-таки, – допытываюсь я. – Ведь праздник же. Как вы его отмечаете? – Никак. – Но раньше, когда я был маленький, – говорит Симо, – всегда отмечали. В этот день, ровно 6-го ноября, мы их били. – Били? Кого? – Тех, кто говорил по-шведски. – Зачем? – мои глаза недоуменно округляются. – А зачем они говорили на нем? Мы просто выходили на улицу и били их в этот день. – И где же происходили эти «бои»? – Меня уже начинает разбирать любопытство. – На Эспланаде или в парке около Успенского собора. Мы собирались там во второй половине дня и начинали колотить их кулаками. – Молча? – Да, просто шли на них и начинали бить. Все уже знали, что в этот день будет драка, готовились к потасовке. – Значит, это было вроде кулачных боев? – Ну, что-то вроде этого. [...] – А дома что ждало, когда с подбитым глазом возвращался? – Дома от родителей еще доставалось, конечно. В кухне на стене, за часами, висела розга для устрашения нас – мы были очень непослушные. – И мне довольно выразительно показывают размеры орудия, с помощью которого непослушных мальчиков превращали в благовоспитанных юношей, демонстрируют его положение в пространстве и механизмы воздействия. – Ужас! Значит, вас били? – Я даже не могу поверить в такое. – Ну, мама розгой, да... И каждый раз сама плакала, когда этой розгой наказывала. Бьет и приговаривает: «И что же вы такие непослушные, и когда же вы слушаться меня будете...». – А папа? – Папа только ругал. Но когда наказывал, то ремнем. И это было действительно ужасно. – Вспоминая, Симо усмехается, качает головой: – Да, времена были... Двор на двор ходил. Но теперь ничего этого никогда не бывает, никто ни на кого не ходит больше (96–98).

В данном фрагменте праздник превратился в свой антипод. Ведь здесь речь идет не о «забаве, потехе, увеселении» как обычно классифицируются русские кулачные бои, которые проводились по праздникам согласно определенным правилам¹³, или о «ратных навыках», поединках, «рукопашных состязаниях»¹⁴. Акцент сделан на другом. Когда Симо объясняет неприязненное отношение финнов к шведам, он не называет какие-то конкретные причины, действия, отрицательные черты представителей другой на-

¹³ См.: «[...] кулачный бой, драка кулаками, для забавы, из молодечества, англ. бокс. Наши кулачные бои были: одиночные, один на один, и стена на стену: бой шел обычным правилом: лежачего не бьют; мазку (на ком кровь) не бьют; рукавички долой; лежачий в драку не ходит и пр.», [в:] В. И. Даль, *Толковый словарь...*, т. II, И – О, с. 215.

¹⁴ См.: А. В. Грунтовский, *Русский кулачный бой: история, этнография, техника*, Санкт-Петербург 1993.

циональности, он просто констатирует: мы их били, потому что они говорили по-шведски, то есть на первый план выдвинулся элемент национальной нетерпимости. Л. Коль нигде не обмолвилась о том, что спокойные и доброжелательные финны порой могли быть ксенофобами, мышление которых знает лишь два цвета – белый (обусловлен идеализацией «своих») и черный (неприятием «чужих»). Стоит только обратить внимание на концовку этого мастерски выстроенного диалога: «но теперь ничего этого никогда не бывает [...] Сейчас все успокоилось» (с. 98).

Праздники, описанные в книге, конечно, не самоцель автора. Дело в том, что более интересная задача – попытка постижения «чужой» души, потребовала от него той особой зоркости, когда в поле наблюдения попадает весь жизненный процесс, в том числе и такая существенная его составляющая, как праздничная обрядность, причем не столько в ее официально-торжественной версии, сколько в культурно-бытовой, способной высветить характер поведения, эмоциональный настрой, бытовые черточки, присущие «человеку, которого зовут „финн“» (с. 12), и рядом с которым волею судьбы проживает сейчас русская писательница.

Библиография

- Грунтовский А. В., *Русский кулачный бой: история, этнография, техника*, Санкт-Петербург 1993.
- Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*: в IV т., Москва, Русский язык 1980.
- Ильин И. А., *Религиозный смысл философии. Три речи 1914–1923*, Paris, Y.M.C.A.-PRESS 1924.
- Йохан Людвиг Рунеберг, [в:] *Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий* – 100 suomalaista pienoiselämäkerta venäjäksi, под ред. Тимо Вихавайнен (Timo Vihavainen), пер. с финск. И. М. Соломеща. Хельсинки, Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) 2004.
- Киви А., *Страна Суоми*, [Электронный ресурс] http://usst.mskobr.ru/files/6_vesna_v_finlyandii.pdf [09.03.2015].
- Коль Л., *Игра в пинг-понг. Исповедь не-Героини*, Хельсинки, АО НОРД ПРИНТ 1999.
- Коль Л., *Аня, Киска, Неливанна, или История моего секса*, Хельсинки, Yliopistopaino 2002.
- Коль Л., *Там, где звенят сосны*, Helsinki, LiteraruS, 2004.
- Коль Л., *Когда она придет...*, Санкт-Петербург, Алетейя 2006.
- Коль Л., *Свидание с героем*, Санкт-Петербург, Алетейя 2007.
- Коль Л., *Роман с Заграницей*, Санкт-Петербург, Алетейя 2009.
- Коль Л., *У меня в кармане дождь*, Санкт-Петербург, Алетейя 2010.
- Коль Л., *Земля от пустыни Син*, Иерусалим, Млечный Путь 2012.
- Коль Л., *На углу острова*, Москва, Вест-Консалтинг 2013.
- Лосев В., *Романтик и верный сын Финляндии*, [Электронный ресурс] <http://www.kauppatie.com/2014/02-2014/rus-11.shtml> [09.03.2015].
- Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: I–III*, под ред. К. Я. Грота, Санкт-Петербург 1896.